

Писатели в России живут неприметно. Так же незаметно они и уходят... Особенно теперь, когда, что уж тут скрывать, культура, и литература в частности, изымается из общественного сознания, подменяется тем, что ею не является, пресекается дух народный и человеческий. И кто убедит меня в том, что совершается это по неким неотвратимым законам бытия, а не из лукавого умысла, если, как писал Лев Гумилёв, «покорение души народа предваряет покорение страны»...

Но вместе с тем поэты так же незримо остаются в памяти и сознании, в душах людей, так как затрагивают такие стороны их жизни, такие струны души, которые никем, кроме них, затронуты быть не могут...

МНЕ НЕ БЫЛ ЭТОТ ВЕК НИ РАЕМ, НИ ТЮРЬМОЙ

Истинный художник живёт и работает, не сообразуясь с сомнительным «спросом». Не «рынок» и не «рейтинги продаж» являются для него критерием ценности вещей этого мира. У него иная миссия и иное призвание. Не бесстрастно показать безобразия, не то, до какой низости может пасть человек, но до каких духовных высот он может подняться. Пока нестойкие и суетные, впадавшие в соблазны авторы фиגлярствуют, он всей жизнью своей продолжает и оберегает духовную преемственность, ибо дело его всегда, во все времена не сиюминутное.

Поэт **Юрий БЕЛИЧЕНКО** занимал своё истинное, незаёмное место в современной литературе. Человек высокой культуры и обширного образования, он вместе с тем был офицером. Поэт в погонах, причём прежде всего — поэт, — это уникальное явление, может быть, только в России и возможное. Не певец темы, в своё время почётной, а теперь гонимой, не трубадур патриотизма, коим несть числа, но человек военный по самой своей сути, наделённый недюжинным поэтическим дарованием, не знающий ложного противопоставления: служба или поэтическое творчество:

*Когда тревога вставит ногу в стремя,
И, убывая, загорится время.
И мы пойдём, сминая зелень,*

СЛЕД В ЖИЗНИ

*За танками, надев противогазы,
На жизнь и смерть по голосу приказа, —
Любовь моя, не покидай меня!*

Он принадлежал к тому поколению, детство которого совпало с Великой войной, отцы которого в большинстве своём полегли на её фронтах. О, это совсем иные люди, чем те, родившиеся даже сразу после Великой Отечественной. Удивительно и то, что это поколение и его поэты, выросшие в советское время, в нём творившие, ценил свой

век, вместе с тем оказались чуждыми его ортодоксии и демагогии. Они вели своё родство не от тех, кто «в пыльных шлемах», хотя почитали и их, но — от русского воинства и офицерства позапрошлого века, когда офицер и поэт были чуть ли не синонимами. Нет, это не было простой романтизацией, лишь потому, что прошлое всегда трепетно-мило, но именно — духовной преемственностью. Отсюда их постоянное обращение к тем временам, как в стихотворении «На Севастопольском братском морском кладбище»:

*Стою у могил и за ходом часов не слежу,
Пульсирует тут
своей ароматною кровью...
Поручик Ермилов, простите,
но я посижу,
Усталый прохожий,
на каменном вагоне надгробье.
...Поручик Ермилов, мы знаем,
что времени — нет.
Меняются люди,
столетия камень листают,
Но та же звезда проливает
на кладбище свет,
И та же трава сквозь армейский погон
прорастает.*

Пётр ТКАЧЕНКО

Мит. Россия. — 2002 — 20 лет. — с. 2